

ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ

Стратегический бином Ньютона

Статьи кратких энциклопедических словарей интересны тем, что в попытке дать наиболее сжатое определение предмета их авторы, как правило, производят наиболее концентрированное изложение исторических мифов. «Государство — политическая организация общества с определенной формой правления. В конституционном праве — властная структура, обладающая суверенными полномочиями решать вопросы организации общества в масштабах страны, определять ее отношения с другими государствами. Конституция определяет российское государство как демократическое, правовое и социальное, основанное на представительной демократии и разделении властей»¹. Таково словарное определение государства в Новом российском энциклопедическом словаре.

Однако же, применительно к современным российским условиям, никоим образом нельзя ограничиться определением государства как только политической организации общества. Ответ на вопрос о том, общество ли организовано в современное российское государство, также лишен однозначности. Нужна твердость веры в универсалии для того чтобы настаивать на существовании общества в России как такового. Мы все еще имеем дело с почти тотальным огосударствлением жизни, тем более что уровень местного самоуправления как минимум не определен и не развит, тогда как собственно политические институты (партии) представлены лишь «макетами» таковых. Скорее мы имеем дело с организационной рамкой функционирования институций и хозяйствующих субъектов, отчасти — семьи и, в виде редкого исключения, малых сообществ людей. Главным достижением новейшего времени можно считать тот факт, что это уже не все уровни бытия — в частности, переход на самообеспечение физиологического (и не только физиологического) существования, осуществленный значительной частью обывателей, который многие публицисты склонны однозначно порицать, стал подготовительной школой для перспективного становления гражданина в России.

Вопрос о суверенности в отношении государства с внешнемировым контекстом в свою очередь далек от простоты. Такая суверенность не была полной и

¹ «Основной политический институт классового общества» (Краткий энциклопедический словарь советского времени) — великолепный концентрат такого именно рода.

в XIX в., в чем в 1854 г. убедился государь Николай Павлович. Тем более суверенность не является данностью, не обладает полнотой в условиях глобализации (пока еще однополюсной), поскольку давление этого контекста ограничивает поле свободы в принятии решений и т.п. Но это — отдельный сюжет.

Своего рода эпиграфом пусть нам послужат отрывок из цепочки исполненных отчаяния монологов, вместе именованной Государственным совещанием 15–17 августа 1917 г., в один из наиболее трагических моментов российской истории:

А. А. Бубликов: «Вся русская промышленность² и промышленность акционированная заключает в себе 5 миллиардов рублей. В переводе на нынешний позорный курс русского рубля в долларах — это один миллиард долларов. Следовательно вся российская промышленность свободно умещается в кармане американского гражданина-миллиардера».

П. П. Рябушинский: «Нельзя уничтожать воду, которая вращает колеса промышленной машины. Поднадзорная промышленность и промышленность в цепях не имеют той должной инициативы, которая заставляет ключом биться промышленную жизнь».

И. Х. Озеров: «У нас проводится политика экономического поражения».

Н. Д. Дитмар: «И если такое положение промышленности будет продолжаться, то самое имя России останется только в летописях».

В дальнейшем мы воздержимся от эмоциональной напряженности, однако не стоит вовсе упускать из виду ее значение. Некая благость интонации, характерная для выступлений высших должностных лиц в 2002–2003 гг., на наш взгляд, существенно притормозила попытки обсуждать ключевые проблемы реформирования, вернее, устройства новой российской государственности.³

В этом отношении весьма характерна настройка Указа Президента РФ о реформировании государственного аппарата: ведомствам предписано самостоятельно определить свои избыточные, т. е. непрофильные функции, с тем что невысказанным образом предполагалось, что профильные функции определены верно. Если предписанная инвентаризация и имеет некоторый автодидактический смысл, то она несомненно отдаляет возможность обсуждения функций и лимитов государственного управления в современных условиях.

* * *

Принципиально важно не только то, чем современное российское государство является фактически, но и то, чем оно является в массовом представлении, размазанном по всем слоям и группам населения, не исключая ни различные формы частного бизнеса, ни бюрократию разных уровней. Более того, не будет преувеличением сказать, что фактическое состояние государства есть следствие не только объективных исторических причин, и даже не

² Следует напомнить, что слово «промышленность» означало в тогдашнем словаре не только индустрию, но и всякое вообще предпринимательство.

³ Тот факт, что алармистские высказывания принадлежат почти исключительно эксцентричным деятелям, вроде С. Кургина, отнюдь не девальвирует ни содержание, ни направленность таких суждений.

столько их, сколько результат действия «склейки» представлений, унаследованных от прежних эпох или благоприобретенных через вдохновенное чтение западной литературы (диссиденты и иные демократы первой волны).

Со времен Конфуция и Аристотеля о государстве написано столь много и столь различно, что обращение к философской традиции, опиравшейся на веру в повторяемость ситуаций, утратило какую бы то ни было конструктивность для текущей практики государственного строительства. Это не отменяет увлекательность и полезность процесса историко-философского самообразования, придает некую фундаментальность попыткам аналитики, но явно препятствует переходу в горизонт программно-проектного мышления.

Со времен Карамзина о специфике российского государства написано столь много и в целом столь единообразно, что обращение к этой традиции также лишено весомого конструктивного смысла. Все помнят германостильные баллады Василия Андреевича Жуковского, кое-кто помнит о том, что Жуковский блистательно перевел «Одиссею», тогда как тех, кто внимательно читал его «Мысли и заметки» (1845–1850), очень немного. Слова Жуковского обладают, разумеется, очевидной убедительностью для всякого мыслящего российского гражданина, но сама по себе печальная интонация конструктивной силой явно не обладает: «Государь самодержавный имеет только мечтательную власть. Если бы он мог быть в одно время и повелителем и исполнителем, то мог бы ручаться за свое могущество. Но он только произносит волю, а исполнение зависит от повинующихся».

Не часто обращают внимание на то важное обстоятельство, что этимологически русское «государство» сохранило генетическое родство с *kingdom* или *goiaum*, восходя к «государю» и не имея, напротив того, связи ни с *etat*, ни с *state*. Те, вполне отличаясь от *society* или *societe*, ясным образом адресуют к давней традиции «состояний» или «сословий» (отсюда *Etats Generales*), тогда как в нашем слове такой связи нет. Представляется, однако, что слово «состояние» применительно к обществу для нас является довольно продуктивным сигналом.

В представлении пассивного большинства государство — *pater patriae*, отец, ответственный за индивидуальную судьбу каждого, тогда как в представлении активного меньшинства — это всегда почти персонализированная враждебная сила, всемерно и почти злокозненно препятствующая деятельности. Уже только потому классическое для Европы представление о «Левифане» разделяется лишь активным меньшинством, тогда как пассивное большинство отнюдь не видит в государстве нечто пугающее, хотя на обычном уровне постоянно сталкивается с его враждебностью или безразличием. Более того, в силу живучести связки «государь — государство», сохраняется представление, отождествляющее государство и страну (как прежде всего институт управления) и страну (идеологизированную среду бытия — Родину), тогда как под институтом управления понимается одна лишь исполнительная власть⁴.

⁴ У Жуковского (там же) читаем: «Институции подпирают волю повелителя и направляют, определяют повиновение исполнителя, подчиняя его двум властям вместо одной. Институция есть дорога к цели: по ней идут, не опасаясь заблудиться, и повелитель и исполнитель.»

Наиболее существенное сомнение возникает по поводу столь же очевидному, сколь мало обсуждаемому: что, собственно, понимается под предметом управления в системе государства? Оставим в стороне федеральное правительство: там, во всяком случае, есть более ли менее внятная работа по формированию и исполнению бюджета — с заранее учитываемыми поправками, производимыми в парламенте в ходе четырех слушаний. Оставим в стороне низовой уровень административных районов, где так или иначе исполняются команды региональных властей, с тем что всем участникам процесса заранее ясно: совокупность задач и обременений низовой администрации заведомо не поддается решению в полном объеме. Есть смысл в том, чтобы сфокусировать внимание на уровне региона или, иначе, субъекта федерации — в конечном счете именно здесь определяется то, остается ли федеральная власть «мечтательной» (по Жуковскому), либо нет, и с чем она встречается — с управлением реальным или опять-таки «мечтательным».

Тот факт, что восемь регионов из десяти являются дотационными, в меньшей, но чаще в большей степени зависящими от трансфертов из федерального центра, придает самому понятию «субъект» двусмысленность. Субъект права? — Да, но не более того. То, что раздел государственных доходов осуществляется так, чтобы доля дотационных регионов не слишком сокращалась, а центр сохранял бы полноту контроля над трансфертами, самоочевидно, однако насколько оправданны заверения региональных властей в том, что при другом пропорционировании бюджетов незамедлительно наступила бы благодать?

Абстрактное обсуждение этого сюжета непродуктивно — и потому, что регионы различаются весьма существенно по такому числу параметров, что всякое соотнесение их друг с другом пригодно весьма относительно, и в связи с тем, что при этом утрачивается столь необходимая конкретность.

В последние годы само слово «регион» звучит едва ли не приподнято, тогда как в любом словаре можно прочесть: «Территория (акватория), часто очень значительная по своим размерам, не обязательно являющаяся таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения (например, Сибирский регион)». Разумеется, донагрузка некоего слова значениями не является чем-то исключительным и, как правило, это означает вхождение в мир иносказаний, когда нет желания или воли именовать вещь ее именем. В этом мире иносказаний «регион» выступает как синоним конституционного понятия «субъект федерации».

Сам же текст конституции помогает не слишком. В самом деле, согласно статье 5, «1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации. 2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство. 3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении

народов в Российской Федерации. 4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны».

Есть еще статья 67, в которой говорится: «1. Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними».

Понятие «состоит» имеет явственно констатирующий характер, равноправие субъектов, вроде бы, нивелирует значение различий (имена разные, но статус один), хотя применение понятия «государство» к республикам исходно привнесло в простой сюжет изрядную путаницу. Понятие «включает» несет в себе указание на объемлющую рамку, однако не легко понять, как именно одно государство может входить в объемлющее государство, будучи при этом в равном статусе с простыми его частями, не являющимися государственными образованиями.

Спешно составлявшаяся и спешно редактировавшаяся конституция приобрела признаки священной коровы, ради устойчивости национального бытия, однако всякому должно быть ясно, что работать с ней по меньшей мере трудно, что и отодвигает главный текст в категорию общесимволического.

Конечно же, в СССР были, наряду с союзными республиками, области и автономные республики, края и автономные округа, но вся эта художественная самодеятельность относилась к миру чистой номиналистики, поскольку выравнивание обеспечивалось единством обкомовской конструкции. Напомним: была Татарская АССР, но реальный контроль над ее территорией, населением и всякой деятельностью хозяйствующих субъектов в ее административных границах осуществлялся Татарским обкомом КПСС. Первые секретари всех обкомов автоматически входили в состав пленума ЦК, тогда как иерархия внутри номинально равных союзных республик определялась вхождением их первых секретарей в состав Политбюро ЦК, наряду с главами Московского и Ленинградского горкомов.

Во всей этой византийщине была своего рода логичность, испарившаяся в момент не столько распада СССР де-юре, сколько в момент роспуска КПСС в 1991 г.

Теоретически имелась возможность преобразовать обособившуюся (точнее, обособленную соседями) Россию в унитарное государство, заново установив губернскую конструкцию. Реальное сепаратистское движение в автономных республиках было и слабым, и неорганизованным, но шанс великого упрощения был упущен, вслед за чем началась известная суета «парада суверенитетов», опиравшаяся на слабость ельцинского «центра» перед угрозой коммунистического реванша. К счастью, игра в Дальневосточную или в Уральскую республики велась не очень уж всерьез, но так или иначе, к моменту отработки текста конституции 1993 г. ни одна из состязавшихся тогда концепций государственного устройства не смогла возобладать. Навязанная бывшими обкомовскими лидерами идея договорности отношений между субъектами и федерацией, вроде бы, указывала на стремление перейти к конструкции соединенных штатов, но невозможно всерьез счесть штатами (заметим, «государство» в конституционной статье и есть собственно штат) территориальные конструкторы, полностью зависящие от других территориаль-

ных конструкторов при опосредующей роли «центра». Привлекала послевоенная германская модель, успешно заместившая Райх, однако за плечами «земель» просматриваются века истории самостоятельного государственного состояния вплоть до Бисмарка, тогда как за какой-нибудь Оренбургской областью в ее нынешних границах всерьез не просматривается ничего⁵.

Не приходится удивляться тому, что с началом президентства В. В. Путина тема договоров практически растворилась в небытии, даже первоначальные инициативы ряда губернаторов по отмене договоров тихо сошли на нет, тем более что сопротивление региональных властей против номинального выравнивания правового поля с утверждением федеральных округов оказалось вялым, за исключением Башкирии.

В остатке всей этой суеты только одно: реальный политический вес региональных выборных начальников. Нет, не в зоне национальной политики — здесь решительный перевес федеральной власти был установлен сразу и лишь закреплен преобразованиями Совета Федерации. В сфере исполнения решений федеральной власти на территориях и в выборном процессе. Отнюдь не случайно от лица ряда губернаторов время от времени поступали предложения назначать губернаторов, а не выбирать: выбираются они или назначаются, реальный контроль над территориями остается у них. Трудно усомниться в том, что переход к назначению губернаторов состоялся бы давно, когда бы не статус республик — теоретически равноправных с областными «субъектами».

Действительным основанием веса «регионов» оказывается не столько выборный процесс, в конечном счете играющий важнейшую роль подготовительного класса в школе демократии, сколько объемность розданных в 90-е годы и ранее мандатов, выполнить которые федеральная власть не в состоянии. Отсюда роль своего рода «шарнира», которую играет региональная власть, негласно получающая право на относительную бесконтрольность в обмен на необходимость гасить глухое раздражение людей — как может и как умеет.

Есть и еще одно важнейшее основание. Процесс разгосударствления собственности (говорить о приватизации чаще всего нет оснований) только в Москве, Петербурге и еще нескольких крупнейших университетских центрах осуществлялся при активнейшей роли энергичных деятелей НТТМ — научно-технических центров творчества молодежи, возникших при Комсомоле. В прочих местах, а имя им легион, кроме кооперативов, зерен роста не было, что автоматически привело к тому, что региональная власть возглавила процесс формирования финансово-промышленных групп. Во всяком случае соприкасаясь с параллельной деятельностью организованных преступных групп и сообществ, регионы в ряде случаев обрели финансово-хозяйственную субъектность, противостоять которой могли только гигантские сети, вроде МПС, Газпрома или РАО ЕЭС, и крупные нефтяные компании.

Секретарь обкома был неотторгаем от существования Госплана и Госснаба. При исчезновении этих могучих управленческих систем реальное основание субъектности административно очерченной территории отпало, и на его место пришло то, что лучше всего описывается термином, заимствуемым у церк-

⁵ Исторический Оренбургский край, среди прочего, включал половину нынешнего Казахстана.

ви: автокефальность. От канувшей в небытие связки «обком — Госплан», на территории представленный облпланом, остался почти без изменений и сам облплан, и, главное, убежденность региональной власти в том, что предметом ее ведения и ее ответственности на территории является ВСЕ! Стремление превратить региональную власть если не в монопольного, то в ключевого субъекта управленческой/хозяйственной деятельности на территории было естественным, тогда как муниципалитеты не были и не могли играть роль ограничителей этой экспансии. Наконец загнанность значительной части экономики в тень создала более чем благоприятные условия для экономической автокефальности регионов, давая региональной власти почти безграничные возможности воздействия на предпринимательство. В экономически сильных регионах наблюдается высокая степень капитализации власти, в экономически слабых, «профессионально дотационных» достаточно установления клановой конструкции, эффективно обрабатывающей трансферты из федерального бюджета. Семейный или товарищеский характер клана утверждает себя в регионе⁶ — это не имеет принципиального значения — важно, что иной конструкции неоткуда было взяться, так что клановую схему надлежит трактовать как натуральную.

Для того чтобы понять природу фантома, именуемого «регион», полезно осуществить скучноватую работу по анализу типичного документа, каким является концепция развития одной из российских губерний, называть которую не будем, так как и этот документ, и другой, именуемый программой до 2015 г., получен приватным образом.

Слова преамбулы, как всякая затертая цитата, сомнений вызвать не могут:

«Главная цель концепции — это подъем благосостояния и качества жизни населения через создание многоукладной социально-ориентированной рыночной экономики, базирующейся на внедрении новых информационных, инновационных технологий и обеспечивающей переход к новым стандартам качества жизни, строительства современного демократического общества...» и т.д.

Далее честно признается, что в области сохраняется разбалансированность экономики, ежегодные инвестиции не позволяют компенсировать техническую отсталость предприятий и обеспечивать конкурентоспособность продукции, около половины хозяйствующих субъектов убыточны, значительны суммы задолженности перед поставщиками (потребителями), бюджетами всех уровней, внебюджетными фондами, банками. Суммарная кредиторская задолженность предприятий превышает 51 млрд. рублей, что составляет более 60,0 процента произведенного валового регионального продукта за год при дебиторской задолженности 24,6 млрд. рублей. Задолженность в бюджет области превышает 1,7 млрд. рублей;

Ориентиры второго этапа, т. е. за пределами следующего срока губернатора, не без оснований надеющегося выиграть скорые выборы, продолжа-

⁶ Возможны и более тонкие конструкции — так, в Оренбуржье следовало бы говорить о «партийной» схеме, так как становление системы райкомов КПРФ (с отчетами глав администраций на пленумах) здесь происходило параллельно с криминализацией экономики областной столицы, где, по мнению весьма авторитетных экспертов, первичная бандитская система контроля была подавлена и замещена милицейской.

ют технику цитирования, вплоть до перехода к непрерывному инвестиционному процессу, так что интересное начинается далее, как только провозглашены ориентиры первого этапа. Наряду с очередной порцией цитат, вроде создания условий для привлечения инвестиций, развития инновационной инфраструктуры или ресурсосбережения, звучат мелодии вчерашние и позавчерашние. Ведущие мотивы: совершенствование ценообразования; защита отечественного товаропроизводителя, в том числе через развитие системы госзаказа и, главное, значительное повышение загрузки существующих производственных мощностей.

Вменяемому читателю должно быть ясно, что повышение загрузки производств, половина которых убыточна и сейчас, означало бы прогрессирующее обнищание области, тогда как упование на модернизацию приоритетных отраслей экономики (ТЭК, металлургия, машиностроение, агропромышленный комплекс) остается, по-видимому, упованием и только. Под совершенствованием ценообразования имеется в виду ценовое регулирование, «которое будет обеспечиваться за счет экономической обоснованности регулируемых цен и тарифов с учетом социально-экономического положения области, контроля за формированием цен на социально значимые товары и услуги, установления и поддержания ценового баланса между сырьевыми и перерабатывающими отраслями».

Далее несколько десятков страниц, на которых очередная порция цитат перемежается скромными целями, достижимыми тем легче, что на ближайшие десять лет прогнозируется существенное сокращение населения и, прежде всего, подростков и детей. Об этом скромно умалчивается, и только планируемое сокращение числа школ на 8% позволяет ощутить, что авторам концепции общий тренд известен и понятен.

Нет нужды отягощать читателя многочисленными таблицами, ограничимся лишь передачей сжатой сути основных из них. Заявив в начале целевую установку на мощное усиление инвестиционного процесса, в табличной форме концепция показывает к 2010 г. изменение долей инвестиций в основной капитал в следующих пропорциях. По собственным средствам предприятий увеличение с 65% до 70%, по централизованным бюджетным источникам — снижение с 5,4% до 5%, по средствам внебюджетных фондов — увеличение с 0,5% до 0,8%, по заемным средствам — с 2,2% до 2,5%. Остается загадкой, как можно с таким уровнем заемных средств достичь радикального изменения нынешней, не блестящей ситуации. Нелегко уяснить, что означает снижение по «прочим средствам» с 23,4% до 16,7%.

Предъявление структуры доходов и расходов консолидированного бюджета области отнюдь не развеивает сомнений. Налог на прибыль предполагается к росту на 2,2%, подоходный налог — на 2%, акцизы — на 1,2%, налог на имущество — на 0,6%, плата за пользование природными ресурсами — на 1,1%, и все при снижении дотаций, субвенций и трансфертов с 5% до 2%.

В структуре расходов предполагается увеличение доли правоохранительной деятельности с 3,5% до 4,7%, культуры, искусства — с 2,9% до 3,5%, здравоохранения — с 22,2% до 26% и образования — с 23,1% до 27,2%, при снижении по всем прочим статьям бюджетных расходов, включая управление, что несколько странно.

Странности продолжают нарастать, когда в рамках концепции обозначен рост объема производства в машиностроении за 10 лет в 2,2 раза; в легкой промышленности – в 3 раза, в производстве стройматериалов – в 2,5 раза. Расчет на рост производства в сельском хозяйстве несколько скромнее – хотя в констатирующей части концепции об увеличении посевных площадей зерновых на полмиллиона гектаров к 1999 г., известно, что экономисты все же убедили губернатора, что нынешние 3 миллиона многовато, тем более что только на трети из них проводится химическая обработка.

Так или иначе, но в концепции утверждается почти трехкратное увеличение инвестиций, сокращение разрыва между доходами 10 процентов наиболее и 10 процентов наименее обеспеченного населения с 6,8 раз в 2000 году до 3,5 раза в 2010 году. В 2010 году производство потребительских товаров составит 240,0 процента к уровню 2000 года, оборот розничной торговли – 180,0 процента, индекс потребительских цен – 240,0 процента, реальные денежные доходы населения – 180,0 процента.

Внимательно читать концепцию вредно для душевного здоровья, так как обнаруживается, к примеру, что за весь 2001 год по всей области официально было получено от аренды государственного имущества 19,4 млн. рублей, т. е. 171 рубль 68 копеек с 1 кв. м. Что, впрочем, на треть выше уровня 2000 года. С почти 900 акционированных предприятий и учреждений, находящихся в областной собственности, получено 1,2 млн. рублей дивидендов, т. е. чуть больше тысячи рублей с одного. В целом доходы от использования государственного имущества области по всем направлениям составляют менее одного процента консолидированного бюджета области и т.д.

Нельзя, однако, сказать, что в тексте концепции вообще нет намеков на то, каким именно образом могут быть достигнуты все ее цели, включая завершение и строительство новых очистных сооружений, водопроводов, мусороперерабатывающих заводов, полигонов для захоронения токсичных промышленных отходов и захоронения пришедших в негодность ядохимикатов и пр. и пр.

Так, запланирована поддержка в повышении технической оснащенности сельскохозяйственных предприятий за счет участия в организации производства отдельных видов сельскохозяйственных машин, формирования лизинговых фондов, совершенствования работы действующих и создания новых машинно-технологических станций. Запланировано формирование инфраструктуры рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Запланирована поддержка развития кооперации в сферах производства, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции, в производственном обслуживании товаропроизводителей АПК и личных подсобных хозяйств населения. При этом, правда, развертывание и совершенствование механизма лизинга оборудования закладывается на основе государственной поддержки и протекционизма, вовлекая в первую очередь в этот процесс промышленные предприятия области. При переводе на русский язык последнее означает, что область намеревается наладить производство сельскохозяйственных машин на своих незагруженных заводах, отнюдь не ориентируясь при этом на межрегиональную кооперацию и тем более на открытый миру рынок.

Слова о необходимости интеграции промышленного и сельскохозяйственного потенциала можно понимать очень различно. В рамках концепции интеграцию следует понимать так: относительно крепкие предприятия «нагружаются» совсем уже слабыми хозяйствами, что не лучшим образом согласуется с амбициозными планами роста продукции промышленности области.

В целом чтение концепции проявляет нечто большее, чем просто несхождение фрагментов, готовившихся разными департаментами областного правительства. За этими различиями явственно укрыто характерное для настоящего момента параллельное существование качественно различных структур мышления: экономического (в малой доле) и советского управленческого в пропорции подавляющей. Присутствие экономического мышления обнаруживается во фрагменте текста, где говорится о завершении (?) создания инфраструктуры товарных и финансовых рынков, системы государственного регулирования, отвечающих требованиям рыночной экономики. И во фрагменте, где об исправлении накопленных структурных деформаций, в том числе за счет реструктуризации убыточного сектора экономики, искусственно поддерживаемого системой бюджетных субсидий, не востребованных налоговых недоимок и неплатежей естественным монополиям. Еще в одном месте, где упомянуто распоряжение губернатора «О мерах по организации биржевой торговли зерновыми, зернобобовыми и масличными культурами в 2000 году», в соответствии с которым был согласован порядок реализации зерна через открытые биржевые торги товаропроизводителями без выезда из хозяйства. Впрочем, постановление сработало только один раз, и более торги (вполне успешные) не проводились. И еще в одном месте, где основной задачей администрации области заявляется укрепление сети региональных банков, включая формирование регионального инвестиционно-агропромышленного банка с филиальной сетью, создание условий для честной конкуренции всем кредитным организациям, действующим на территории области.

Так или иначе, но за последние десять лет произошла коренная перестройка структуры источников финансирования капитального строительства. Если в 1991 году доля средств федерального и областного бюджетов в составе капитальных вложений составляла 21 процент, то к 1999 году она сократилась до 6,8 процента. Соответственно увеличился удельный вес внебюджетных источников финансирования с 79,0 процента в 1991 году до 93,2 процента в 1999 году. Доля собственных средств людей в финансировании строительства жилья возросла с 4,0 процента в 1990 году до 33,5 процентов уже в 1999 году.

Это факты бытия, но мышление если и реструктурируется то в существенно меньшем темпе. Оказавшись в роли дистантного консультанта, я несколько неосторожно адресовал три вопроса губернскому департаменту экономики:

- Как разделить то, что является собственно предметом линейного управления со стороны губернии; то, что может решаться в системе влияния; то, что поддается регулированию в системе нормативных или проектных «рамоч» деятельности; то, что в действительности самонастраивается и, наконец, то, что по факту управляется внерегиональными силами.

- Как — уже в другой плоскости рассмотрения — вычленишь группы реалистических приоритетов развития, чтобы избежать размазывания средств тонким слоем.
- Как произвести совмещение этих двух планов в реальном пространстве губернии, тем самым отстроив существенно более сложные схемы зонирования, чем членение на географические «центр», «восток» и «запад», лишенные даже простого административного смысла.

Судя по тому, что в интенсивной переписке по сети наступила затянувшаяся пауза, эти вопросы поставили моих партнеров в тупик, а попытка выяснения причин молчания по телефону с очевидностью выявила, что это не тупик, а прострация. Такие вопросы там не ставили никогда.

Так что же такое этот мистифицированный «регион», кроме того, что он есть одна только административная абстракция, говоря модно, симулякр? На языке когда-то весьма известного «Молота ведьм» это типичный суккуб, на более давнем языке античности — химера: и та и другая нелюдь существует полной жизнью в одном лишь воображении. Однако есть еще и специфическая неполная жизнь, при том достаточно насыщенная.

Распределение трансфертов из федерального бюджета между десятками районов, избранными городами и избранными предприятиями; забота о правильности проведения выборов и о правильности их результатов; создание информационного потока снизу-вверх; регулярное поддержание состояния озабоченности у частного бизнеса и подавление робких попыток местного самоуправления самоутвердиться. И еще много всего — политическая машина, смонтировавшаяся в стране, говоря старомодно, бежит сложности, предпочитая простые решения, о чем явно свидетельствует закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в России», восхитительным образом подрывающий основы совсем недавно заявленной Президентом идеи удвоения валового внутреннего продукта России за десять лет. Впрочем, последнее — отдельный сюжет.